Iulia R. Gorelova, Ph. D. in History, Associate Professor
Siberian Branch of Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Siberian State Automobile and Highway University (Omsk, Russia)
gorelovaj@mail.ru

**WAYS OF PRESERVATION OF ARCHITECTURAL HERITAGE
IN HISTORIC DEVELOPMENT OF BIG SIBERIAN CITIES
(A CASE OF OMSK)**

Abstract. The paper describes typical versions of conservation and restoration work operated on architectural monuments located in cities of the South of West Siberia (using the example of Omsk, Omsk Oblast, Russia); on the one hand, such efforts can drive at preservation of original function of an architectural constructions, on the other hand, it can lead to shift in its role. The author outlines her own view on the current tasks of renovation and preservation of true figure of provincial architectural complexes (including religion monuments) that have cultural, historical and semiotical value.

Keywords: *a Siberian city, West Siberia, Omsk, urban architecture, a monument of architecture, architectural heritage, restoration, renovation, popularization of architectural heritage.*

УДК 2:[159.923.2:17.021.3]

DOI: 10.32340/2414-9101-2021-2-35-44

М. М. Мурат, доктор религиоведения, профессор
Институт образования и инноваций г. Гдыня (г. Гдыня, Польша)
drmurat65@gmail.com

**РЕЛИГИЯ – «КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ»
СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹**

Аннотация. Автор аргументирует тезис, согласно которому общность религиозных убеждений – ключевой фактор социальной самоидентификации и объединения социальных групп, населяющих государство. Религиозное знание позволяет упорядочить многомерное противоречивое смысловое пространство, разделяя его на сферы сакрального и профанного. Религиозное знание облегчает поиск экзистенциального пути в пространстве сверхсложных взаимосвязей происходящего, лабиринте культурных кодов и артефактов. Охарактеризован социально-интегративный потенциал монотеистических религий (иудаизма, христианства, ислама) в контексте становления и развития имперской государственности. Автор приходит к выводу, что, несмотря на наличие статистических данных, свидетельствующих о снижении роли религии в жизни различных социально-демографических категорий, она продолжает оставаться важной силой, формирующей коллективное самосознание сообществ.

Ключевые слова: *религия, идентичность, монотеизм, сакральное, профанное, социальное пространство, культурный артефакт, коммуникативные коды, христианство, иудаизм, ислам.*

1. Религия как форма общественного сознания

Религия как форма духовной культуры не исчерпывается только мировоззренческим и догматическим значением, представляет собой социальное явление. Религия институционализована

¹ Перевод с польского Е. Н. Халецкой.

еще в средние века через социальный институт Церкви. Она организовывала и организует, в первую очередь, на своей аксиологической основе почти все формы социальной и индивидуальной деятельности человека. Это матрица, которая гармонизирует пространство и вещи в нем и, благодаря своим устойчивым кодам, организует мир повседневной и профессиональной человеческой деятельности. Она объясняет течение времени, придает ему смысл и сакрализует его. Это позволяет нам видеть порядок в нем, в его линейном, культурном и социальном измерении. Религия помещает все, что характеризует деятельность человека в пространство *sacrum* и *profanum*, упорядочивает действия и раскрывает тайны прошлого, оправдывает и рационализирует процессы, происходившие в истории, и те, которые происходят сегодня [1, с. 99–100].

Религия становится центром, источником, из которого исходит оправдание всего сущего, в чем участвует верующий человек, присутствующий в мире, как имманентная часть, *mysterium fidei*, помогает или становится основой социального понимания подпространства реальности.

Именно вера освобождает сторонников религий от проверки ее истинности, хотя в христианстве уже в Средневековье доказана с логических позиций истинность существования Бога. Религия, ее присутствие в пространстве социального дискурса, легитимизирует многогранный процесс создания внутренне согласованной групповой идентичности. Поэтому, как писал А. Бергсон, на протяжении всей истории никогда не было и не будет обществ без религии [2, с. 105].

Религия способствует укоренению человека в физическом пространстве, организует его, создает многомерную реальность. Она призывает к тому, чтобы быть обществом, члены которого создают внутренне сплоченную группу, призывает быть наследниками исторического и священного опыта предков. Религия является носителем кодов, которые образуют мост между прошлым и настоящим, а также служат для «укрощения территории»², наполнения ее символами, которые позволяют отдельным людям и социальным группам признать их своими, поселиться в них.

У первобытных народов религия гармонизировала пространство и позволила им отождествить место жительства с «центром мира» [1, с. 43]. Современная, постмодернистская реальность наполнена цивилизационными творениями, которые помимо своей физической структуры, являются неоднозначными культурными артефактами. Эти артефакты не полностью, фрагментарно организуют аксиологически разорванное пространство человеческого существования, так как современный человек отошел от вышеупомянутого «центра мира», который стал символическим понятием. С течением времени, изменениями в культуре и развитием цивилизации перед человеком открывались новые пространства. Мир, с одной стороны, расширился, с другой стороны, расстояния, благодаря средствам массовой информации, между удаленными точками сократились. Реальность приобрела новые измерения. Наука с помощью техники проникла в необъятные просторы космоса и смогла разгадать тайны различных уголков мира. Это позволило объяснить большинство проблем, которые на протяжении веков были загадкой для человека. Так же современным человеком созданы новые инструменты освоения мира – технологии, чтобы сделать жизнь проще и комфортнее. Человек, творец или, скорее, конструктор, изобрел «коммуникационные протезы»³, которые перенесли его в виртуальное пространство, где он стал самодостаточным, где он может почувствовать свое величие. Хотя, наряду с открытиями и творческими победами, существовала экзистенциальная неопределенность, вызванная чувством потери среди цивилизационных гаджетов, Человек спрятался в «пещере», заполненной вещами, где он пытался найти замену покою, экзистенциальной тишине, найти постмодернистского проводника, который выведет его из извилин цивилизационного лабиринта.

Человек, вооруженный научными открытиями и технологическими достижениями, стоит на историческом перекрестке. Он не может решить, какой путь выбрать. Взойти на трон современного Пантократора? Гордиться тем, что властвует над холодной и равнодушной к его судьбе

² Укрощение территории – освоение территории с использованием переопределенных кодов динамически меняющейся социальной и материальной реальности (*прим. авт.*).

³ Коммуникативные протезы – понятие, относящееся к переопределенным коммуникативным кодам, которые, описывая действительность, поднимали человека на аксиологическую вершину, с которой он может любоваться видом социального пространства, наполненного его плодами его труда и творчества (*прим. авт.*).

реальностью? Или, говоря языком Питера Тейяра де Шардена, одухотворить материю? Перейти на уровень *cultura animi*, проникнуть в традицию, переопределить язык описания экзистенциальной ниши? Как заново открыть для себя исторические мифы, мировоззрения и ритуалы? Как согреть мир, построенный из железа, бетона и стекла. Вернуться в заброшенные храмы? Переупорядочить многомерное экзистенциальное пространство? Отдать Богу – Богово, а кесарю – кесарево?

В переоцененном мире, где место Бога занял золотой телец, роль религии часто ограничивается ее функцией эффективного организатора социального пространства. Человек, потерявшийся в аксиологически неоднозначной реальности, ищет что-то, что даст ему намек на определенность, заставит его набраться смелости и выбраться из экзистенциального кокона. Он должен был позволить своему обитателю спокойно перебраться в «жизненное уединение»⁴, ввести в состояние аксиологической спячки.

Религия выводит человека из спящего состояния, чтобы он включился в активную деятельность в социальном пространстве. Она дает советы о том, как действовать с точки зрения ее ценностей. Она регулирует и узаконивает основы межличностных отношений и, построенное на них, многомерное социопространство. Благодаря экзистенциальной деятельности своих последователей религия выходит за рамки богослужения. Она присутствует на всех уровнях человеческого бытия. Она была и является виновницей эволюционных и революционных преобразований и, конечно, служит мостом между социальными подпространствами *sacrum* и *profanum*⁵.

К сожалению, религия многими общественными активистами низведена до уровня инструмента, она функционирует как эффективная социальная инженерия. Используя креативную силу социальной инженерии, различные общественные и политические лидеры веками на основе религии обосновывали реализацию различного рода политических программ⁶. Опираясь на религию, политики и общественные силы создавали изменения в сложном социальном пространстве. Почему так происходило? Что заставляло и до сих пор заставляет людей в безрефлексическом порыве подчиняться идеологиям, объединяться и создавать замкнутые социоструктуры?

Чтобы ответить на вышеприведенные вопросы, следует отметить, что причин много, но две из них являются наиболее важными. Во-первых, происходит постепенный отход от описания религиозных догматов монотеистических религий⁷ на метаязыке богословского послания, который непонятен большинству верующих. Во-вторых, мир соблазняет человека цивилизационными удобствами и приглашает его в Эдем, созданный средствами массовой информации. Современный человек стоит в этот раз на аксиологическом перекрестке. Он должен сделать выбор: или подчиниться, поверить, признать свою онтологическую зависимость, освободиться от поверхностного религиозного поведения и принять позицию веры со всеми ее составляющими, или забраться в шаткое кресло современного светского Пантократора? Или может запереться в экзистенциальном коконе, о котором говорилось выше? Ни один из предложенных вариантов не даст полного удовлетворения. Это только усилит экзистенциальное напряжение.

2. Историческая адаптивность иудаизма, христианства и ислама

История наполнена событиями, корнящимися в человеческой деятельности религиозного и политического характера. Социальное пространство-время гармонизировалось артефактами, построенными на религиозном и политическом фундаменте. Не выходя на интеллектуальную арену,

⁴ «Жизненное уединение» – термин, относящийся к конформистским, экзистенциальным и когнитивно-пассивным отношениям (*прим. авт.*).

⁵ В наши дни к общественной активности христиан призывают представители политического богословия и богословия освобождения. Коран полон указаний о том, как должно быть организовано социальное пространство. Мозаизм (иудаизм) своих последователей отсылает к книгам Ветхого Завета и Талмуду (*прим. авт.*).

⁶ Классическим примером использования религии в социопространстве является построение негативного образа последователей других религий. Создание иллюзии внешнего врага (*прим. авт.*).

⁷ Анализу подвергнутся только крупнейшие монотеистические религии – мозаизм/иудаизм, христианство, ислам (*прим. авт.*).

где идут споры, что было раньше, религия или политика, является ли религия сверхъестественной, или естественной, созданной человеком и эволюцией [3, с. 33–34], я заключаю, что бесспорно, религия – это явление, присущее человеческой истории. Это движущая сила индивидуальной и социальной активности. Все виды социальных преобразований в истории человечества являются либо теоцентрическими, либо антропоцентрическими.

Динамизм отношений между религией и политикой подразумевал необходимость того, чтобы каждая из этих сфер постоянно приспосабливалась к меняющейся реальности. Изменения, происходившие в религии и политике, часто были обратимыми. Специфика процесса адаптации богооткровенных религий к изменениям, происходящим в социальном пространстве, обусловлена неизменным характером их догмата веры, основанного на словах, записанных в священных книгах. Они имеют характер завершённого откровения. Это не означает, что тексты, считающиеся священными, подразумевают религиозный застой. Иудаизм, христианство и ислам – это живые религии, они приспосабливаются к социальным преобразованиям, они являются эффективным ответом на всегда существующие в истории человечества процессы секуляризации и секуляризма. Были ли они когда-либо угрозой общественному существованию религии? Вероятно, сказалось изменение положения и функций религии. Процессы секуляризации переместили ее ближе к краю, на периферию социальной активности. В конце концов, они не смогли заполнить духовную пустоту. Политика без поддержки религии стала терять динамику влияния на социальное пространство, которое становилось все более независимым, подчиненным секулярным ценностным моделям и установкам. Предложенные ею, политикой, аксиологические фикции были очень быстро признаны ложными.

Современная секуляризация увеличила темпы, социальную активность и привлекательность религии, в процессе секуляризации было (парадоксально) показано, что религия необходима для правильного функционирования социального пространства. Это аксиологический фон и даже частично дерадикализованный, является фундаментом, основой морали, легитимизирующей основные социальные структуры в монотеистических государствах. Религия накрывает человека своего рода «защитным зонтиком» ценностей, которые помогают ему найти свое место во времени и пространстве.

3. Иудаизм и его историческая адаптивность

Историческая адаптивность иудаизма подтверждается историей его последователей. С самого начала своего существования мозаизм/иудаизм был религией, в которой *sacrum* и переплетался с *profanum*. Религия, дополненная политикой, формировала полную картину общественной жизни еврейского народа. Политика была вторична по отношению к религии. Последняя узаконила власть и ее действия. Иудаизм был и остается религией национального строительства. На основе ее догм, на протяжении всей истории ее непростого существования, строилась идентичность группы последователей. Именно благодаря религии была сохранена специфика еврейской жизни, которая, особенно в *многовековой период существования диаспор*, подвергалась внешним воздействиям. Возможно, *иудеи* способствовали усвоению местных культурных образцов, но хотя евреев преследовали по разным причинам и разными способами, они никогда не поддавались какой-либо доминирующей культуре⁸. И, хотя, политически они были соседской группой, религиозно и культурно они оставались верными традиции. Они создали местные религиозные и культурные гетто.

В переживании исторических и культурных потрясений периода диаспоры последователям иудаизма, рассеянным по всему миру, помогали наставления учителей и религиозных лидеров. Они были написаны между II и VI вв. нашей эры. Хотя они являются работой двух раввинских школ, они не отличаются доктринально. Сегодня существует два Талмуда (Вавилонский и Иерусалимский), отличающихся друг от друга *количеством указаний и подходами*, а не сущностью

⁸ Для евреев во время диаспоры каждая из местных культур была доминирующей культурой (*прим. авт.*).

содержания. Их можно сравнить с интеллектуальным мечом, которым евреи на протяжении веков разрозненности, разбросанности по всему миру защищали свою традицию и самобытность. Талмуд позволял поддерживать гармонию в общине, содержал наставления о том, что делать, как поступать, начиная от ведения земледелия и жизни в обществе до участия и совершения богослужения, чтобы жить в соответствии с предписаниями членов диаспоры и, благодаря этому, оставаться истинным евреем. [4, с. 55–65]. Страницы Талмуда вводят в интеллектуальное пространство, в традиции, которые были опорой социального единства в изгнании. Его авторы были уверены, что содержащиеся в нем инструкции будут способствовать выживанию всего, что было и есть приемлемым для иудаизма [4, с. 20].

В настоящее время последователи иудаизма, оставаясь верными догматическому ядру религии, разделили его на:

– *ортодоксальный иудаизм*, который наиболее близок к традиции раввинского иудаизма. Его представители проповедуют необходимость строгого соблюдения норм, содержащихся в Талмуде. Они не хотят поддаваться переменам, происходящим в наше время. Чтобы показать свою принадлежность к талмудической традиции, в дополнение к соблюдению правил, содержащихся в ней, они демонстрируют это внешнее послушания словами священных книг. Они убеждены, что Тора, содержащая слова Бога, данные евреям, никоим образом не может быть изменена. Медленная эволюция иудаизма привела основателей ортодоксального мозаизма к миссионерской деятельности. Она направлена, в соответствии с убеждением, что иудаизм является религией евреев, только на ближних, которые, по их мнению, отошли от соблюдения предписаний традиции [5, с. 37].

– *современное консервативное течение иудаизма*, его представители, как и ортодоксальные евреи, являются сторонниками подчинения закону, содержащемуся в Торе и Талмуде. Главное отличие, по сравнению с ортодоксальным иудаизмом, рассмотренным выше, заключается в том, что в консервативном иудаизме религия и политика дополняют друг друга. Вера в то, что мозаизм – это религия, направленная только на евреев, приводит к националистическим настроениям, не говоря уже о том, что иногда он принимает шовинистические формы. Лозунги о расовой чистоте и уникальности еврейского языка, которые якобы являются китайской стеной, защищающей от внешних врагов, носят в первую очередь политический характер.

– *реформированный мозаизм*, зародившийся среди евреев-ашкеназов, в настоящее время культивируется членами американской диаспоры. Реформированный иудаизм – это ответ на вызовы современности. Его представители пытаются решить проблемы рассеяния и, прежде всего, жизни в многокультурной реальности. Поэтому пространство религиозной деятельности было ограничено. Она присутствует и относится только к сфере *sacrum*. *Profanum*, с другой стороны, – это пространство, в котором последователи реформированного мозаизма сливаются с толпой. Религия не мешает им в полной мере, творчески участвовать в широком социопропространстве, частью которого они являются. Они снесли «стену, окружавшую гетто совершенного культа». Женщины стали допускаться в синагогу на равных условиях. Религиозные обряды стали разнообразнее благодаря наличию хора и органа. Совершение богослужения, как и во всей диаспоре, было преобразовано из жертвенного в молитвенное.

Глубокие социокультурные изменения и развитие науки и цивилизации не обошли стороной иудаизм. В лоне еврейского народа появилась группа, члены которой считают, что религия больше не нужна. В начале XX века в Великобритании появилось движение, которое называется *либеральным иудаизмом*. По мнению ее членов, роль традиции, основанной на Торе и Талмуде, заключается в том, чтобы быть мостом между прошлым и настоящим, фоном национального единства, хотя и закрытого для явлений, происходящими во внешнем пространстве.

Подобно либеральному иудаизму, хотя и еще дальше в переопределении религии находится *гуманистический иудаизм*. Он был создан в среде американской еврейской диаспоры. Его создателем считается реформированный раввин Теодор Шервин Вайн, его последователи пытаются отнять священный характер иудаизма. Они провозглашают, что он является свидетелем истории евреев, матрицей традиций. Но это не пространство встречи Бога с избранным народом и не руководство к осуществлению теоцентрической истории.

4. Ислам и его историческая адаптивность

Первый выход ислама из колыбели истории произошел после смерти его основателя. Природная воинственность последователей Аллаха была направлена против неверных. Набеги проводились под знаменем распространения истинной религии, именуемой священной войной. Разрядка внутреннего напряжения способствовала объединению общин, члены которых плечом к плечу проливали кровь во имя Аллаха. Эти военные усилия вознаграждались награбленной добычей и возможностью разбогатеть, занимая новые территории. Это привело к распространению ислама, последователи которого способствовали культурной диффузии на оккупированных территориях [6, с. 60–61].

На родине ислам оставался доктринально неизменным на протяжении веков. Набеги велись под лозунгами распространения истинной религии, именуемой священной войной.

Процесс модернизации ислама, начавшийся в XIX веке, был многогранным и способствовал появлению новых течений, которые, оставаясь верными Корану и Суннам Пророка, внутренне отличаются друг от друга⁹. Для картины современного образа ислама немаловажно, что его приверженцы разбросаны по всем континентам мира и должны ассимилироваться с окружающей их реальностью, оставаясь при этом верными догме религии, которую они исповедуют. В постмодернистской реальности ислам напоминает соцветие, состоящее из множества почек, растущих из одного побега. С каждым годом он увеличивает число своих последователей. Это еще один шаг в будущее в процессе секуляризации современной реальности. Его секуляризация наблюдается, прежде всего, в западном мире, где исторически и культурно имманентные Западу, религии теряют последователей. Там отмечается рост последователей ислама [6, с. 61]. Является ли это результатом исторической адаптируемости или, может быть, эффективность ислама кроется в чем-то другом?

Современный ислам – динамичная религия. Этот динамизм является производным от преобразований, которые носили многогранный и мультикультурный характер. Они часто были результатом потребности времени, связаны с желанием идти в ногу с изменяющимся миром в культурных и цивилизационных измерениях. Немаловажное значение для современного образа религии, начало которому положил в VII веке Мухаммед, имеет существование исламских диаспор в пространстве культур западноевропейского мира.

Следует помнить, что в исламе, как и в других религиях, происходят внутренние столкновения между модернистами и сторонниками возвращения к религиозным корням. Как среди сторонников адаптации религии к меняющейся реальности, так и среди фундаменталистов можно встретить активистов, которые своей деятельностью извращают, идеологизируют религию. Они объективируют ее, используют как средство достижения чисто политических целей. Попытки вовлечь ислам в политическую деятельность вызвали появление новых тенденций в сфере религии. Представители фундаменталистов с переменным успехом пытались найти себе место рядом с суннитами и шиитами.

Картина современного ислама очень сложна. Причин такого положения дел много. Они проистекают из многомерности религии и ее столкновения с современной атеистической реальностью¹⁰. Динамизм ислама состоит в том, что в нем постоянно происходят взаимозависимые процессы культурного, цивилизационного, политического и экономического характера. Этот плюрализм оказывает непосредственное влияние на восприятие места и роли каждой религии. Для ислама это тем более важно, что он претендует на роль доминирующей религии в мире. Его специфика заключается в том, что в социальном пространстве, где динамизируются процессы секуляризма ислам увеличивает количество своих последователей.

⁹ В статье используется настоящее время, потому что большинство течений в лоне ислама присутствуют в нем и сегодня (*прим. авт.*).

¹⁰ Под многомерностью ислама подразумевается существование многих разновидностей ислама. Степень их возникновения и активности в социокультурном пространстве и особенно ее уровень связаны с удовлетворением индивидуальных и социальных потребностей религиозного характера (*прим. авт.*).

Причиной притягательности ислама, с когнитивной точки зрения, будет утверждение, что ислам – это религия с внутренней энергией, которая позволяет ей расширять круг своих последователей. Что может быть причиной этого? Может быть, традиционный ислам¹¹ смог противостоять процессу секуляризации, несмотря на разбросанных по всему миру членов исламской диаспоры, обретая экзистенциальный покой в религиозной традиции?

В европейских странах последователи Аллаха смогли занять свое место на религиозной и культурной карте континента благодаря своей численности и социальным функциям. К ним относятся как к равноправным участникам социального пространства, и их число постоянно растет [6, с. 62]. Они имеют свои собственные места молитвы и строят новые. Они уже давно заняли свое законное место в европейском сообществе, в его многокультурной реальности.

Последователи религии, основанной пророком Мухаммедом, активны в экономическом и политическом пространстве. Им гарантируется право организовывать свои праздники и совершать подношения в соответствии с религиозной традицией¹², при поддержке этой политики реализуется современная идея европейской религиозной толерантности. Здесь есть место для мультирелигиозности. Это встреча ислама и христианства. Несмотря на конкуренцию за верующих, встреча двух религий на европейском континенте происходит мирным путем, и их миссия выполняется с взаимным уважением. За пределами Европы ситуация иная. В районах, где последователи Аллаха составляют большинство, часто происходят акты враждебности по отношению к христианам. В то время как в Европе строятся мечети, христианские храмы разрушаются в других местах.

Станет ли мир мусульманским? Находится ли Европа под угрозой исламизации? Ответы на вышеуказанные вопросы несут в себе высокую степень эпистемического риска.

5. Христианство – от расколов к экуменическим движениям

Исторические коллизии христианства в наше время, по-видимому, медленно исправляются. После длительного периода внутренних разногласий христианские церкви становятся все ближе друг к другу. Сегодня основными христианскими конфессиями являются Римско-католическая церковь, Православная Церковь, возникшая после восточного раскола, и протестантские церкви, возникшие внутри Римско-католической церкви. Они разделены организационно, хотя все объединены верой в Иисуса Христа, его смертью и воскресением. Не вдаваясь в анализ теологических различий, на которых основаны разделения между различными ветвями христианства, можно считать, что сегодня оно по-прежнему является доминирующей религией в современном мире. Оно имеет миссионерский характер, ведет евангелизацию, побуждает людей работать над собой и своим окружением. Чтобы выполнить задачи, изложенные выше, ранее разделенные христианские церкви должны были взять на себя труд приблизиться друг к другу, внести свой вклад в усилия по евангелизации, объединению людей, потому что Иисус Христос объединяет людей, а не разделяет их.

На рубеже XIX и XX веков в протестантизме зародилось экуменическое движение, к которому присоединились Православная Церковь и, с некоторым опозданием, Католическая Церковь. Хотя поначалу было трудно разрушить «стены негодования», воздвигнутые за эти годы, экуменические движения набрали обороты после Второй мировой войны. Всемирный совет церквей, созданный в 1948 году, определил основные руководящие принципы экуменической деятельности. Было признано, что христианство имеет транснациональный характер, оно направлено на всех, независимо от цвета кожи, политической принадлежности или места жительства. И хотя не все церкви сразу признали экуменизм¹³, они стали сторонниками сформулированного выше тезиса,

¹¹ Суннитский и шиитский ислам (прим. авт.).

¹² В июле 2013 года в средствах массовой информации состоялась дискуссия о религиозных правах последователей ислама в связи с запретом на ритуальное убийство, введенным Сеймом Республики Польша (прим. авт.).

¹³ Католическая Церковь в начале экуменической деятельности протестантских церквей, а затем и Православной Церкви с недоверием, если не сказать с неохотой, относилась к общинной деятельности. Это было

особенно в случае Католической Церкви. В настоящее время можно наблюдать эволюцию этой позиции. После Второго Ватиканского собора, который широко расправил паруса экуменизма, в которые дул сильный ветер современности [7], усилия по объединению христиан приняли новый характер. Они стали движущей силой не только религиозных изменений, но и способствовали изменениям в социокультурном пространстве. Это имело большое значение из-за событий Второй мировой войны, которые до сих пор остаются в памяти людей, и искусственного разделения мира на политические зоны влияния.

Христианству в XX веке пришлось столкнуться с проблемами послевоенного восстановления. Наиболее важными из них являются растущий секуляризм и процессы секуляризации, а также привлечение верующих в связи с миссионерской деятельностью ислама. На рубеже веков и тысячелетий миллениаристские ожидания не оправдались. С другой стороны, на арене истории появился человек, затерявшийся в переоцененном культурно-цивилизационном пространстве. Он оказался очень уязвимым материалом для всевозможных внешних манипуляций. Поэтому обязанности миссии, новой евангелизации мира, стали более насущными, чем раньше, когда общества были стабильны и их члены не передвигались так интенсивно в пространстве. Современность втянула христианство в упомянутую выше многомерность социального пространства. Она должна безопасно вести верующих через нравственные коллизии сознательного участия в постмодернистской реальности. Стать стражем порядка, основой для политических действий и силой для культурных изменений. Все вышеперечисленные проблемы были признаны участниками Второго Ватиканского собора, которые попытались определить и указать направление будущих действий Католической Церкви. Она должна провести верующих благополучно через моральные лабиринты, стать хранителем порядка, фундаментом политической деятельности и силой, определяющей направление культурных преобразований. Все перечисленные выше проблемы рассмотрели участники Второго Ватиканского Собора и попытались выяснить и определить направление будущей деятельности Католической Церкви.

Напряженная политическая ситуация в Европе периода холодной войны [8] и социальное неравенство в мире побудили, возможно, даже вынудили членов Всемирного совета церквей интеллектуально осмыслить, основываясь на христианской вере и догме, тревожную ситуацию того времени. Иерархи Католической Церкви искали рецепт, с помощью которого можно минимизировать тревожные социальные явления [8]. Указывалось, что человеческая деятельность, которая изменяет мир, всегда должна быть свидетелем величия Бога и служить человеку [8]. Документы Собора по актуальным социальным вопросам содержали точные диагнозы и оставались в соответствии с духом энциклики папы Льва XIII *Regum novarum*. Это было новое дыхание в социальной науке Католической Церкви. Второй Ватиканский Совет взял на себя ведущую роль в социальном взаимодействии между всеми христианскими общинами.

Изменяющийся мир, динамичное общественно-политическое пространство и стремление к изучению места и роли христианской религии в постмодернистской реальности создали новую ветвь богословия. Ее появление было результатом необходимости указать ученикам Христа место и роль, которую они должны играть в пространстве общественной жизни. Динамизм преобразований, цивилизационное развитие, процессы секуляризма и секуляризации привели к ситуации, в которой христиане чувствовали себя потерянными. Явления неравномерного социального развития, существование зон нищеты и отсталости, подразумевает необходимость включения последователей Христа в ответственную политическую деятельность, которая станет формой духовной поддержки слабых мира сего. Политическое богословие призвано переосмыслить обоснование политической активности христиан. Оно связано с переосмыслением справедливости политической деятельности христиан и строительством моста между современным *sacrum* и *profanum*. Оно отвечает за необходимость построения этических стандартов поведения в политическом пространстве,

связано с верой Пап в то, что только Католическая Церковь является хранителем истинного послания, которое Бог передал человечеству, а позже оставил Иисус Христос. Проповедь энциклика Святого Отца Пия XI – *Mortalium Nimos* от 06.01.1928 г.// http://www.ultramontes.pl/Mortalium_animos.htm-of 15.07.2013 (прим. авт.)

основанных на евангелической истине. Это критический поиск основ деятельности верующих в секуляризованном мире, чтобы создать подход к самоопределению христиан в пространстве для политических действий; привлечение людей веры к созданию политических групп, задача которых состоит в том, чтобы создать новую, более реалистичную основу для христианского сообщества [9, с. 62].

В заключение отметим, что христианство, несмотря на свой эсхатологический характер, всегда брало и берет на себя ответственность за организацию и законы, управляющие социальной реальностью, в которой живут верующие в доктрине Христа. Признавая, что мир – это работа Бога, христианские церкви на всех организационных уровнях открыты для оказания помощи нуждающимся. Они поощряют в своем учении, чтобы государственные органы служили обществу, а его члены добросовестно выполняли свои обязанности. Они способствуют увеличению общего блага, основанного на солидарности с более слабыми. Католическая церковь отмечает, что она не является политическим сообществом, но всегда будет отстаивать права своих последователей, которые являются полноправными членами разного рода социоструктур [10, с. 519].

Список литературы

1. Eliade, M. *Sacrum and profanum*. –Warsaw : Bookstore, 2008. – [...].
2. Бергсон, Х. Два источника морали и религии. – Краков : [Б. и.], 1993. – [...].
3. Войтович, А. Религиозный натурализм / И. Либишовска, М. Жолковска, Ж. Доктур Лица религии и религиозности. – Краков : [Б. и.], 2008. – [...].
4. Вавилонский талмуд. – Краков : [Б. и.], 2010. – [...].
5. Мурат, М. Великие религии мира – Варшава : Ведза, 2012. – [...].
6. Сакович, Е. Религиоведение. – Люблин : Омега, 2009. – [...].
7. Реинтеграция подразделения // Лодзинская архиепархия [Римско-католической церкви] : [сайт]. – Лодзь, [...–2021]. – URL: <http://archidiecezja.lodz.pl/czytelni/sobor/de.html> (дата обращения: 16.05.2021).
8. Пастырская конституция о церкви в современном мире «Gaudium et Spes» // Лодзинская архиепархия [Римско-католической церкви] : [сайт]. – Лодзь, [...–2021]. – URL: http://archidiecezja.lodz.pl/czytelni/sobor/kdk_4.html (дата обращения: 29.05.2021).
9. Пастырская конституция о церкви в современном мире «Gaudium et Spes» // Лодзинская архиепархия [Римско-католической церкви] : [сайт]. – Лодзь, [...–2021]. – URL: <http://archidiecezja.lodz.pl/czytelni/sobor/kdk3.html> (дата обращения: от 30.05.2020).
10. Ранер, К. Малый Богословский словарь / К. Ранер, Х. Воргримле. – Варшава, Вездза, 1987. – [...].

Miroslav M. Murat, Dr. Of Religious Studies, Professor
Institute of Education and Innovations in Gdynia (Gdynia, Poland)
drmurat65@gmail.com

RELIGION IS A HEADSTONE OF SOCIAL IDENTITY

Abstract. The author argues: commonality of a religious views is a key factor of social self-identity and alliance of social groups settling a state. Religious knowledge helps to order multidimensional and contradictory sense space dividing this on sacrum and profanum fields. Religious knowledge simplifies a human's search of existential way in area of super complicated interrelations of what is happening, in a labyrinth of cultural codes, artifacts. Also, the paper analyses socio-integrative potential on monotheistic religions (Christianity, Judaism, Islam) in the context of development of imperial nationhood. The author concludes: in spite of statistic data tell that a role of a religious at various social levels' life fell down, it still keeps its strong positions in shaping collective self-consciousness of communities.

Keywords: *religion, identity, monotheism, sacrum, profanum, social space, cultural artifact, communicative code, Christianity, Judaism, Islam.*

УДК 130.2(470+571)

DOI: 10.32340/2414-9101-2021-2-44-48

О. В. Первушина, кандидат культурологии, доцент
Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)
agaki-pervushina@yandex.ru

КОНЦЕПТЫ «ЧЕЛОВЕК», «ПРИРОДА» И «КУЛЬТУРА» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Раскрыто содержание центральных для отечественной философской, геосоциокультурной и историко-культурологической мысли категорий «человек», «природа», «культура», рассматриваемых в качестве базовых для русской ментальности концептов, отражающих актуальный культурфилософский духовный опыт народа. Охарактеризована специфика смысловой и символической интерпретации этих концептов в отечественной исследовательской традиции.

Ключевые слова: *человек, природная среда, культура, знаково-символическое пространство культуры, «месторазвитие», гибридная идентичность, универсальные культурные ценности.*

Одной из проблем, определяющей современный культурологический дискурс является проблема соотношения понятий «человек», «природа», «культура», их единство, взаимосвязь, обусловленность и вместе с тем противоречивость и неоднозначность взаимосвязи и взаимоопределенности в современном мире. Пройдя в своем эволюционном развитии и становлении этапы неразрывного единства с миром природы, когда, вероятно, человек рассматривал себя как неотъемлемую часть окружающего мира до выделения из природного окружения и активного воздействия на природную среду путем построения своего антропогенного мира, часто необдуманно и недальновидно враждебного природному окружению, человек остается по-прежнему и телесно и пространственно частью природной среды. Очевидно, что человек современной инновационной культуры, живущий в пространстве искусственных объектов, знаков и «симулякров» (по Ж. Бодрийяру) потерял связь с природной средой, которая являлась пространством его жизнедеятельности на протяжении тысячелетий, определяя потребности насущного существования, сохранения и воспроизводства. Принимая этот неизбежный результат эволюции человека как вида, реализующего потенциал стремления к усложнению условий внеприродного бытия, французский культуролог и социолог Ж. Бодрийяр пишет о потерянности человека в этом мире искусственных предметов и вещей, в котором и он сам становится «симулякром» – искусственным знаково-символическим объектом. «Вещи, – пишет Ж. Бодрийяр, – не составляют ни флоры, ни фауны... впечатление размножающейся растительности или джунглей, где новый дикий человек современности с трудом отыскивает вновь проявления цивилизации» [1, с. 6–7]. В этом контексте имеет смысл обратиться к проблеме соотношения человеческого, природного и культурного в традиции русской философии второй половины XIX – начала XX вв. Это наследие сегодня приобретает особый смысл и значение духовного опыта, не утратившего своего значения по истечению времени.

«Человек», «Природа», «Культура» всегда были в центре отечественной философской, геосоциокультурной, историко-культурологической мысли. Эта тема одна из ключевых в культурфилософских трудах Н. Я. Данилевского, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, И. А. Ильина, П. А. Флоренского, П. Н. Савицкого. На наш взгляд, в этих исследованиях представляет интерес категория